

ВОСТРЕБОВАН ЛИ СЕГОДНЯ ГУМАНИЗМ?

*В обсуждении принимают участие доктор философских наук, профессор, проректор по научной и издательской работе, директор Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета **В.А. Луков**, доктор философских наук, профессор, академик РАО, главный научный сотрудник Института философии РАН **Л.П. Буева**.*

*Ведет « круглый стол» доктор философских наук, профессор **П.С. Гуревич**.*

Гуревич П. Однажды некто Гитлодей отправился в морское странствие. Случайно он попал на один из отдаленных островов, где жизнь туземцев поразила его своим совершенством. Еще бы — внимание к каждому отдельному человеку было отменным. Люди трудились всего лишь шесть часов в день. Зато остальное время они посвящали не праздности, а наукам и искусству. Причем никто не указывал им, чем конкретно они должны заниматься. Удивительно, но на острове не было богатых. Богатства принадлежали всем гражданам. Это позволяло удовлетворять все потребности человека, поскольку они были справедливыми. Никто не мог предаваться роскоши, все были равны. Правда, не было на острове ничего избыточного. Каждый имел шкуру как одежду и мог носить ее не менее семи лет. Он надевал ее только на работу. Дома же каждый гражданин имел грубую шерстяную одежду, которая имела одинаковый цвет для всех. Никаких денег у островитян не было, они их запросто ликвидировали. Не существовало и частной собственности. Ее устранение подорвало корень преступлений — воровство, убийство, предательство. Не оказалось на острове и золота, этого источника зла и жестоких законов. Люди в этом мире ненавидели эксплуатацию и угнетение человека. Зато в неограниченных объемах удовлетворялся запрос на духовность. Жители этого земного рая в основном рассуждали о счастье. Гитлодей был потрясен этим общественным устройством и с огромным энтузиазмом рассказал о нем... Как вы думаете, кому? Вы, конечно, уже вспомнили — Томасу Мору, английскому писателю. А тот написал книгу и назвал ее «Утопия».

Писатель, конечно, придумал и странника, и остров, и нравы. Но если бы он знал, с каким поразительным восторгом будет встречена его выдумка. Все были готовы немедленно отправиться на этот замечательный остров. Многие даже не задумались над тем, что такого государства нет.

Оно придумано. Ведь слово «утопия» означает «страну, которой нет». Однако были написаны десятки книг, в которых славил величие человека, его мудрость и стремление к справедливости и духовности. Позже даже К. Маркс, читая книгу, задумался над тем, как бы в реальной истории учредить такой строй.

Сегодня, конечно, быт островитян может вызвать глумливый смех. Ходить в шкурах, носить одинаковую одежду, стремиться к знаниям и толковать о духовности? Уж очень это наивно. Но вот удовлетворить растущие потребности человека, обеспечить ему благосостояние и комфорт — это, пожалуй, дельное стремление. Политики разных стран, видя, что на всех счастья не хватает, все равно увлечены гуманистической риторикой. Они делают вид, что с утра до вечера думают о своих подданных, принимают мудрые решения, которые в самом ближайшем будущем осчастливят всех желающих.

В связи с этим хотелось бы обсудить следующие вопросы:

Когда и почему возник гуманизм?

Мыслим ли гуманизм без автономного, суверенного субъекта в условиях так называемой «смерти человека»?

Чем объяснить бурный рост самых различных гуманистических движений в наши дни?

1. Когда и почему возник гуманизм?

Луков В. Ответ на этот вопрос, казалось бы, прост. Любой школьник сегодня, воспитанный на ЕГЭ, ответит, что гуманизм связан с эпохой Возрождения. Однако за последние десятилетия сложилось множество подчас неожиданных концепций, связывающих гуманизм с иной идеологией. В 1986 году французский религиозный мыслитель Этьен Жильсон опубликовал работу «Средневековый гуманизм и Ренессанс». В ней он связывает возникновение гуманизма не с эпохой Возрождения, а со Средневековьем.

Гуревич П. Однако тогда же считалось, что именно преодоление средневекового религиозного сознания породило идею обожествления человека. Собственно, обостренный интерес к античности и возник именно в средние века.

Бueva Л. Но почему же концепция средневекового гуманизма вызвала споры?

Гуревич П. Как объясняет, например, французский религиозный мыслитель Этьен Жильсон, каждый профессор выкраивает из реальности

свой кусок. Он даже считает, что реальность состоит именно из кусков. Но я бы им предложил не углубляться в дебри этих бесконечных споров, а сойтись на том, что само понятие гуманизма не поддается однозначной трактовке. Обратимся, скажем, к формуле Протагора «Человек есть мера всех вещей». И сегодня она кажется предельно ясной и неукоснительной. Однако разные мыслители обнаруживали в ней совсем иной смысл, нежели их современники и предшественники. В чем же непреходящее значение Протагорового изречения? Прежде всего, в том, что оно представляет собой первый манифест гуманизма. Конечно, античное человеколюбие не было ни последовательным, ни полным. Ведь это была эпоха рабовладения. Раб не считался человеком. Но именно в античности началось становление человеческой личности и образовалась исторически первая форма демократии.

Буева Л. Эта формула сразу стала объектом дискуссий и размежеваний. Какой человек, кто конкретно может быть мерой вещей? Что значит мера? Почему вещи оцениваются по меркам человека? Эти вопросы, родившись в античности, в преобразованной форме возникают и в религиозном сознании, и в светской гуманистической традиции.

Гуревич П. Нелегко представить себе, как мучительно долго, через значительность деяний, через художественное совершенство, через боль и трагедию продвигалось человечество к пониманию значимости всечеловеческого. Едва человек научился выражать свои мысли и чувства посредством знаков и символов, он стал задумываться над тем, кто он, собственно, такой. Он издревле пытался понять самого себя. Вероятно, эта глубинная, трудно насыщаемая потребность раскрыть собственную тайну и составляет сущность человеческого.

Луков В. О гуманизме сказано немало похвальных слов. Еще недавно считалось аксиомой, что достаточно провозгласить истину о высоком предназначении человека — и мир станет другим. «Краса Вселенной, венец всего живущего» — вот шекспировское видение человека эпохи Возрождения, но рядом с ним и гамлетовское восклицание о «квинтэссенции праха». Сегодня многие понимают, как дорого обошлась эта иллюзия человечеству. Не пора ли, следовательно, отказаться от абстрактной гуманистической риторики и осмыслить те реальные противоречия, которые сопряжены с данной системой взглядов. Осмысливая гуманизм как проблему, мы ведем речь о сложной, иногда парадоксальной судьбе концепции человеколюбия, о тех неожиданных следствиях, которые породила она в социально-исторической практике.

Гуревич П. Согласитесь, Валерий Андреевич, идея возвышения человека сама по себе обладает огромной привлекательностью, несомненным духовным потенциалом. Однако беспорна ли она?

Правомерно ли в самом гуманизме оценивать человека как единственный критерий правды и всего сущего? Способен ли гуманизм утвердить себя в качестве социальной идеи или он превращается в иллюзию, в некое идеологическое образование?

Буева Л. Можно полагать, что свободомыслие, как система взглядов, привычнее для мироощущения россиян, вышедших из лона тоталитаризма. Только этим, пожалуй, можно объяснить поразительный факт: выступая против религиозной волны, против нового духовного бума, многие публицисты пытаются опереться на светский гуманизм, то есть на обезбоженное сознание, славящее человека. Они призывают любить человека, свободного от богомольных чувств.

Луков В. Многие социальные мыслители говорят о том, что во всех бедах и злключениях XX века виноваты идеи. Они совратили умы, спровоцировали фанатизм. Никто не собирается подвергать сомнению благородные устремления Эразма Роттердамского или тревогу Бертрانا Рассела о спасении человечества. Однако это вовсе не означает, будто каждый, кто печется о благе людей, должен вызвать сочувствие и доверие.

Гуревич П. Современная теория познания демонстрирует парадокс. Оказывается, даже самая светлая и безупречная идея может завести в тупик. Почему? Потому прежде всего, что, возникшая как абстракция, она тут же начинает навязываться практике в качестве единственной, правильной и обязательной для всех. Получается, будто идея сама по себе авторитарна? Скажем осторожнее: она обладает потенциалом авторитарности. В ней заложена, воспользуемся словом М.М. Бахтина, эта принудительность. Но тем более она обнаруживается во всеобъемлющих системах, в развернутых комплексах мысли. Человеколюбие не только побуждение или идея. Гуманизм, несомненно, мировоззренческая установка, претендующая на некую всеобщность.

Буева Л. Мысль, тяготеющая к супертотальности, неизменно стягивает все многообразие, все реальное жизненное богатство к тому своду, внутри которого в пространстве исходной мысли все логично и безупречно. Невозможно, как показывает историческая практика, вырваться из оков идеологического построения, если решать все проблемы в доктринерском доминионе мысли, не сообразуясь с реальностью, не поверяя верховенство идеи ее практической состоятельностью.

Гуревич П. Гуманизм провозглашает человека высшей ценностью. Он исповедует человеколюбие. Однако достоин ли человек быть мерой всех вещей? Какова его собственная антропологическая природа? Возможен ли гуманизм без суверенного человека? Как обеспечить равное достоинство всех индивидов? Почему от имени гуманизма творятся в истории бесчинство и произвол?

В отечественной литературе последних десятилетий эти вопросы, как правило, обходились. Поставим проблему: какое место занимает гуманизм в истории человечества? Только самый отчаянный мизантроп способен опровергать человеколюбие. Может вообще сложиться впечатление, что все мы, потомки Адама, — наследники и живые хранители гуманизма. Между тем для отрезвления мысли, видимо, стоит сразу ответить: гуманизм — тончайший, зыбкий и постоянно растворяющийся слой в толще культуры. В масштабах истории это, скорее всего, социальный фантом.

Луков В. Павел Семенович, проблема гуманизма вовсе не в том, чтобы провозгласить человека эталоном. Важно также понять, какова мера разрушительного в человеке. Если возвышенные идеалы не становятся жизненно-практическими ориентациями людей, стало быть, гуманизм в чем-то ущербен: не соотнесен с человеческой природой, с реальными ресурсами человечества... Время гуманисту оглянуться на себя, отчего опекаемая им паства не слушается пророка?

Гуревич П. Речь, стало быть, идет об исторической ответственности гуманизма. Ценность любой доктрины определяется не тем, к чему она призывает. Следствия-то каковы? Парадоксальная вещь. Гуманистическая риторика пышно расцветает в тени тоталитарного государства. Разве Сталин толковал о ненависти к человеку? Оказывается, вообще державная власть и не может реализовать себя, если устанет провозглашать ту или иную форму человеколюбия. Невольно возникает подозрение: смогли бы тираны осуществить свои далекие и зловещие замыслы, не будь безоглядно-радостного доверия к гуманизму у самих масс?

Буева Л. Гуманна ли гильотина? Представьте себе, что этот вопрос задан юному Робеспьеру. Вне всякого сомнения, он содрогнулся бы и ответил презрением. «Ничто на земле не стоит цены человеческой крови» — это слова эрменонвильского отшельника. Но оказалось, что без гильотины не обойтись. Только она может осчастливить человечество.

Луков В. Не парадокс ли? Гильотина как радикальное средство справедливости. Муки и боль одного человека как досадная помеха на пути ко всеобщему счастью. Воспитание «новой личности» как преодоление изначальной человеческой природы. Что ни говори, гуманизм в той же мере примета нового времени, сколь и дегуманизация. Кровавые боины, адские печи, пыточные подвалы. Усложняющаяся техника надругательства над телом и духом человека. Но разве только это?

Гуревич П. А социальные эксперименты на живом теле общества? Проверка на человеческом материале многоликого безумия общественных реформаторов, равнодушных не только к слезе ребенка, но и к стонам миллионов. Гуманистические формулы кажутся непогрешимыми. А какова

их изнанка? Платоновский инженер Вермо постоянно изображает «радостную участь человечества». Но он все же размышляет, сколько гвоздей, меди и минералов можно химически получить из тела Бесталоевой. «Зачем строят крематории? — с грустью удивился инженер.— Нужно строить химзаводы для добычи из трупов цветомедзолота, различных стройматериалов и оборудования...»

Буева Л. Я хотела бы поставить вопрос о том, правомочно ли само понятие «гуманизм»? В «Письме о гуманизме», написанном М. Хайдеггером для Ж. Бофре, философ спрашивает: есть ли вообще необходимость удержать слово «гуманизм»? «Или недостаточно еще очевидна беда, творимая всеми рубриками такого рода? — продолжает далее Хайдеггер. — Люди, правда, давно уже не доверяют «измам». Но рынок общественного мнения требует все новых. Люди снова и снова готовы откликнуться на эту потребность».

Гуревич П. Любить человека... Но действительно ли он — мера всего сущего? В современном философском сознании нередко возникают мотивы дискредитации человека как живого существа. Философские антропологи говорят об ущербности его биологической природы, психоаналитики — о присущих сыну земли мощных разрушительных импульсах. Социобиологи оспаривают идею уникальности человека. Структуралисты приходят к убеждению, что чрезмерный интерес к человеку в истории европейской культуры явился причиной многих теоретических и практических извращений. Этот интерес, в частности, как они полагают, придал идее прогресса искаженный облик. Теперь уже ясно, подчеркивают структуралисты, что сам человек не заслуживает доверия, ибо в нем укоренены разные пороки.

Буева Л. Я понимаю этот вопрос так: возможен ли гуманизм как определенная система взглядов, если оспаривается исходная идея — ценность самого человека? Бофре спрашивал у Хайдеггера: «Каким образом можно вернуть какой-то смысл слову «гуманизм»?» Сомневаясь в потребности всяких «измов», Хайдеггер все же отмечает, что речь, по существу, идет о возвращении человеку человечности. Но в чем она состоит? «Она покоится в его сущности», — отвечает Хайдеггер.

Луков В. Если люди понимают под гуманизмом вообще озабоченность тем, чтобы человек освободился для собственной человечности и обрел в ней свое достоинство, то, смотря по трактовке «свободы» и «природы» человека, гуманизм окажется разным.

Гуревич П. Гуманизм как специфическая система взглядов формировался на протяжении веков. Он, естественно, вобрал в себя исторически предопределенные подходы к проблеме, конкретные и далеко не всегда совпадающие представления о сущности человека и его

предназначении.

Луков В. Многообразие видения гуманизма — одна из примет нашей эпохи. Наряду с традиционными версиями, складываются сегодня новые, радикально переосмысливающие устоявшийся эталон. Возникают философские направления, открыто выступающие против христианского гуманизма.

Буева Л. Но, как бы ни были различны эти виды гуманизма по цели и обоснованию, по способу и средствам осуществления, по форме своего учения, они, однако, все сходятся на том, что человечность человеческого человека определяется на фоне какого-то уже утвердившегося истолкования природы истории, мира, мироосновы — то есть сущего в целом.

Луков В. При определении человечности человека гуманизм не только не спрашивает об отношении бытия к человеческому существу. Гуманизм даже мешает поставить этот вопрос, потому что ввиду своего происхождения из метафизики не знает и не понимает его. Стало быть, исходным для философского постижения гуманизма оказывается вопрос об истине бытия.

Гуревич П. Чтобы оценивать ту или иную форму гуманизма, надо, прежде всего, понять природу человека, его сущность. Иначе и на самом деле можно принуждать человека к злу под видом блага. Как можно, не понимая предназначения человека, исповедовать гуманизм? Ведь именно в философском осмыслении человека у нас до последнего времени разительное отставание. Мы чаще всего воспринимали человека как некую точку различных социальных пересечений.

2. Мыслим ли гуманизм без автономного, суверенного субъекта в условиях так называемой «смерти человека»?

Буева Л. Казалось бы, вопрос выглядит абсурдным. Как может проявиться любовь к человеку в доличностных культурах? В древнейших известных нам мифологиях человек неотторжим от Вселенной. Он еще не воспринимает себя как нечто самостоятельное. Эллины, как и азиатские арийцы, обоготворяют великие явления природы, которые оказывают благотворное или разрушительное влияние на человеческую жизнь.

Луков В. В восточных деспотиях индивид, естественно, не рассматривается как ценность. Напротив, всякая уникальность, нестертость человека оценивается как зло, как помеха. Она противостоит общему настрою культуры, призванной обнаружить безличные абсолюты, идет ли речь о некоем верховном начале бытия, пантеистически осмысленной природе или конфуцианском понимании общества как

иерархии индивидов. Человек — это лишь материал, который содействует приобщению к высшим, внеличным ценностям.

Гуревич П. Но, может быть, именно эти внеличные ценности и могут служить истинным содержанием гуманизма? Такая парадоксальная мысль чаще рождается в современном философском сознании. Можно было бы, по всей видимости, сразу отвести эту идею как несовместимую с представлением о суверенности человека, развитии его собственной природы и субъективности. Однако антиперсоналистская установка в европейской культуре возрождается постоянно. Прослеживая ее вехи, важно, по-видимому, уяснить, что такое воскрешение языческих сюжетов не случайно.

Луков В. Вытесненное христианством язычество постоянно напоминает о себе. Мы вряд ли отдаем отчет, какую огромную роль играет в наши дни эта древнейшая форма мировосприятия. В истории философии были примеры уловления в массовой психологии языческих умонастроений.

Буева Л. Пока человек оставался в лоне язычества, не было, на наш взгляд, и гуманизма как специфического духовного умонастроения. В европейской культуре, по мнению Т. Манна, можно зафиксировать два элемента — античность и христианство. Но ведь античность — это еще язычество. «А у восточных славян «очеловечивание» таких сил,— отмечает российский ученый Г.К. Вагнер,— и вовсе находилось на зачаточном уровне. Описывая, например, Перуна, летописец сумел отметить только его золотой ус, а что представляло собой тело или хотя бы голова — осталось неизвестно. О внешности Стрибога, Хорса, Дажьбога мы и вовсе ничего не знаем».

Луков В. О духовном преимуществе христианства над язычеством в советской философской литературе вообще не писалось. Напротив, древние верования оценивались даже как более исторически значимые. Само же христианство в вульгарно-социологической литературе трактовалось как религия рабов. При этом совершенно игнорировался вклад этой мировой религии в развитие всей европейской и мировой культуры, а главное — в укрепление веры, как духовного состояния человека, его уникального свойства. Языческие корни — во многих наших современных представлениях.

Буева Л. Язычество в той же мере связано с абсолютизацией природной сущности человека, сколь и гуманизм. Гуманистическая антропология рождается по произвольному почину самого человека в момент противостояния религиозному сознанию средних веков. Оно возникает в эпоху Возрождения и развивается в новые времена вплоть до наших дней. Гуманистическое сознание освобождало и утверждало

природного человека, потерявшего свою микрокосмичность.

Луков В. Французские «новые правые» (Л. Повель, А. де Бенуа) в полемике с религиозными христианскими мыслителями развивают такую концепцию человеколюбия, которая не предполагает выделения независимого, изолированного индивида. Напротив, речь идет о возрождении духа патриархальной, доличностной культуры, которая, по их мнению, и призвана представить сегодня наиболее значимую и продуктивную версию гуманизма.

Гуревич П. Ключевым понятием в этой программе названных философов служит слово «культура». Они отмечают, что появление человека на арене истории следует рассматривать как феномен культуры. Напрасны поиски человека до культуры. Она глубочайшим образом связана с сущностью человека. Он сделал первый шаг к разрыву с природой, когда начал возводить над ней собственный, человеческий мир, мир культуры как дальнейшую ступень мировой эволюции.

Буева Л. По мнению «новых правых», лишь культура придает реальность бытию человека. Индивид, следовательно, ощущает свою самостийность не в собственной суверенности, а внутри культуры. Поэтому настоящая гуманизация мира, как полагают «новые правые», возможна только на путях деперсонализации, растворения человека в более корневой общности, каковой является культура, раса, нация.

Луков В. «Новые правые» предлагают возродить язычество, полагая, что именно в нем заложены утраченные традиции истинно религиозного. На этой почве, по мнению «новых правых», могут взойти ростки обновленного гуманизма. Однако, размышляя о культурном воскрешении, философы этой ориентации менее всего интересуются человеком. По существу, они вступают в полемику с европейской мировоззренческой традицией, согласно которой подлинный гуманизм невозможен без свободной независимой личности.

Гуревич П. Было бы неправильно полагать, что гуманизм без человека — это продукт только французской мысли. Наш отечественный философ Борис Филиппович Сушков в книге «Русская культура: новый курс» пытается возродить русские гуманистические традиции. Он пишет: «Россия теперь стоит, как витязь, на распутье. Три пути перед нею: Христианство? Язычество? Атеизм? Какую культуру мы собираемся возрождать — светскую или теократическую в той или иной степени? Европейскую и евразийскую?» По убеждению автора (его книга вышла в издательстве «Наука») никакого христианства в строгом смысле слова никогда не было. Но его и не может быть, поскольку нравственные законы христианства противоречат человеческой природе. Не было также, по мнению автора, никогда и чистого атеизма. Против чего воюет Сушков?

Он считает, что переход к единобожию от языческих религий не был прогрессивным. Этот процесс сыграл катастрофическую, роковую роль в истории народов и всего человечества.

Луков В. Но ведь все это было написано Фридрихом Ницше.

Гуревич П. Нет, не все. Ради возрождения ослабленной биологической силы автор предлагает утвердить славянское язычество. Он с сарказмом отмечает негодность иконы, в которой образ еврея Христа стилизовался под русского мужика.

Буева Л. Ну, тогда кое-что понятно.

Гуревич П. Христианский фундаментализм, считает автор, не менее опасен, чем исламский. Антропоморфные боги Олимпа, рассуждает автор, похожие по своему поведению на людей, гораздо лучше, человечнее, чем вселенский Бог-Вседержитель, символ абсолютного идеального совершенства. Итак, спасти нас могут только Перун, Хоре и Дажьбог.

Луков В. Если культура имеет человеческое измерение, антропологические истоки, то ее обогащение может осуществляться только через становление личности. Я в этом убежден. Рассматривать гуманизм без человека абсурдно. Не культура возвышает человека, а человек творит культуру. Поэтому любая программа культурного ренессанса не может реализоваться безлично, на основе тех или иных ценностных ориентации, носителем которых по какой-то непостижимой логике окажется раса или нация.

Буева Л. Мне кажется, что пока человек оставался в лоне язычества, он был слит с космосом, не было и гуманизма как специфического духовного умонастроения. В античной культуре индивид лишь частичка космоса, подражание ему. Устойчивость подобного представления иллюстрируют труды Алексея Федоровича Лосева. По его мнению, различие между человеком и космосом в античной культуре чисто количественное. Между ними нет никакого раскола, никакой бездны. Добавлю: у древних греков просто не было ощущения личности, как не было ее и у большинства народов Древнего Востока.

Луков В. И все-таки: нет ли здесь преувеличения? Неужели народ, достигший столь высокой культуры, был лишен «личностного чувства»?

Гуревич П. Скажем так: это чувство у него было весьма специфичным. Согласно античным представлениям, судьба любого человека и даже поведение в каждый из моментов его существования заранее роковым образом предопределены. Иными словами, свобода воли человека в точности повторяет «линию» его судьбы.

Луков В. И все же не поразительно ли? Крупнейшие герои древнегреческих мифов Ахилл, Геракл или Прометей, даже ведая о своей судьбе, поступают так, как диктует их собственная свобода.

Предопределенность не убивает активное начало, рок не противостоит активным деяниям. Греки, как свидетельствует Гегель, не задержались на ступени несвободного восточного единства, имевшего своим результатом религиозный и политический деспотизм, когда субъект безраздельно исчезает в единой всеобщей субстанции или в какой-нибудь особенной ее стороне, ибо он не обладает никакими правами как личность и потому лишен всякой опоры.

Буева Л. Значит, чтобы подойти к тайне человека, дающей ростки гуманизма, надо, прежде всего, исторически отделить индивида от космоса, от всеобщей субстанции. Древние греки сделали только шаг на этом пути. Но вместе с тем значительный. В греческой нравственной жизни индивид был самостоятелен и внутренне свободен, но не отрывался от всеобщих интересов действительного государства и духовной свободы во временном существовании. В античной философии человек воспринимался не как безоговорочная ценность космического мироздания, а как один из первоэлементов, связанный с ним и подчиненный ему.

Гуревич П. Итак, говоря об исторических типах гуманизма, мы начали с язычества. Но ведь христианский гуманизм кое-что наследует из языческого, хотя и противостоит ему.

Буева Л. А что он может наследовать? В язычестве нет личности, в христианстве она есть.

Луков В. В христианстве личность несет на себе предназначение, ибо на нее накладывается отпечаток абсолютной личности творца. Она обретает некую самоценность, независимую от космологических сюжетов. Вместе с тем рождается идеальное представление о человеке как существе, воплощающем в себе телесно-чувственную субстанцию, одушевленную разумом, духовностью.

Гуревич П. Христианство освободило человека от власти космической бесконечности. Европейский гуманизм верит в вечные основы человеческой природы. Эту веру он получил от греко-римского мира. Однако христианский идеал гуманизма сталкивается с рядом мировоззренческих противоречий. Они во многом проистекают от конфронтации язычества и христианства. При этом в христианство проникает язычество. Вот что я имел в виду.

Буева Л. Так называемый Ренессанс XIV и XV веков в Италии, по мнению Хайдеггера, есть возрождение римской добродетели. К бесчеловечному относят теперь мнимое варварство готической схоластики Средневековья. Эта критика во многом оправданна. Однако такие мыслители, как Мирандола, Савонарола, Эразм Роттердамский, призывали не только к воскрешению античности, ее духа и воспитанности. Они стремились возродить дух Евангелия, дух свободы, любви, терпимости,

уважения к личности. «На эту линию в Ренессансе, которую частично предвосхитил уже Данте,— отмечал А. Мень,— до сих пор не обращали достаточного внимания. А именно она несла в себе огромные возможности для будущего».

Луков В. Гуманизм Возрождения — это новое мировоззрение. Оно проникнуто осознанием безмерной полноты того величия, которым наделен человек. Он рассматривается отныне как средоточие мира, как творец земного бытия. Но в этом прославлении человека как меры всего сущего проступает и зерно противоречия в судьбах и содержании самого гуманизма. Если человек сам выступает мерилем своих собственных поступков, в равной степени способен творить добро и зло, стало быть, нечеловеческое соизмеряется только человеческим. Но еще раз напомним об оборотной стороне титанизма, по сути — оборотной стороне гуманизма, которая в прекрасной идее может быть и не замечена, но в реальной жизни неотделима от человека, уверовавшего в то, что он и есть высшее творение во Вселенной. Но ведь многие мыслители Возрождения скептически относились к нравственной природе человека.

Гуревич П. Что же получается? Гуманизм — обязательный, необходимый опыт человека. Человек в этой системе мироощущения остается сам с собой, со своими ограниченными человеческими силами, связанными лишь с природной необходимостью. В гуманизме человек стремится пройти через богооставленность. Это находит свое отражение в культе природного человека. Восхитительные мастера кисти Возрождения — язычники. Человеческая плоть буквально завораживала их.

Буева Л. С этой точки зрения, в гуманистическом возрожденческом сознании человек вдруг возомнил о своей отделенности от Бога. Языческое освящение тела. Устранение надличностных абсолютов. Ищи основы в себе, человек! «Гуманизм послушен факту рабства человека у природного мира», — подчеркивал Н.А. Бердяев. Гуманизм, по его словам, постепенно отпадает от всякого богосознания и обоготворяет человека в человеческое...

Луков В. Отвергая антропоцентризм космический, гуманизм переносит его вектор в чисто психологический фактор. Это означает, что человеку отказано в высоком предназначении. Он осмысливается как существо низшего порядка, которое продвигается по ступеням природного царства, опираясь на внутренние силы. Человек в этом случае выступает только как природный объект. Сверхприродного субъекта гуманизм не знает. Это относится, в частности, к позитивизму XIX века, который отвергает принадлежность человека к двум мирам одновременно — природному и божественному.

Буева Л. «В позитивизме, — развивает свою концепцию Н.А.

Бердяев, — исчезает та правда гуманизма Возрождения, которая связана была с возрождением античности как человеческой ценности. Гуманизм перерождается в антигуманизм: он отрицает человека. Подлинного человека, человека-микрокосма, царя природы, нет без Бога и Бого-человека».

Гуревич П. Мы видим, что судьба гуманизма — это великая трагедия человека, ищущего антропологического откровения. Возвышение человека как живого существа отодвигает не только трансцендентное, но и общечеловеческое, ибо всечеловеческое выступает как нечто безличностное, наиндивидуальное. Человек, освобожденный от надличностных критериев, обнаруживает не только созидательные, но и разрушительные потенции. Обнаруживаются истоки морального разложения. Эпоха Возрождения открывает не только эру гуманизации мира, она возвещает и дегуманизацию, ибо человек все чаще воспринимается не в качестве суверенной личности, а в роли «массы».

Луков В. Герой романа Т. Манна «Доктор Фаустус» выражал сомнение в том, что гуманизм может быть другом науки. Гуманизм не может не быть антропоцентричным. Нет человека, нет и гуманизма. Однако стремление соорудить такой гуманизм весьма стабильно. После того, как Ницше убил Бога, казалось, что возвращение к гуманизму невозможно. Когда Федор Михайлович столкнулся со стремлением поставить человека на место Бога, он испытал ужас. Однако постмодерн с его устранением трансцендентных чувств и поисками постчеловека окончательно обесславил гуманизм.

Бueva Л. Парадоксально, что философия Ницше, полемически направленная против христианства и воплощающая в себе неоязыческую ориентацию, в известной мере наследует логические следствия гуманизма как умонастроения. Она делает наглядным тот факт, что человеколюбие вовсе не является непременно следствием возвышения человека. Напротив, оно мешает раскрытию человеческих возможностей. С этой точки зрения идеализированная архаическая Греция противопоставляется христианству. Именно оно, по словам Ницше, подвергло порче «естественное состояние человечества». «Проблема, которую я ставлю,— пишет Ницше,— не в том, кто сменит человека в ряду живых существ (человеко-конец), а в том, какой тип человека надлежит возвращать, какой наиболее высокоценен, более других достоин жизни, какому принадлежит будущее».

Ответ немецкого философа однозначен: возвращать надо человека сильных инстинктов, одержимого волею к власти...

Гуревич П. Парадоксальность в том, что идеи Ницше приходится также рассматривать в лоне гуманизма. Он исторически возник как

воплощение элитарности. Однако он был одушевлен идеей рекрутирования все более широкого круга людей. Неоязычество во всех его современных версиях демонстрирует, по существу, утопичность этой программы. Более того, оно предлагает в обосновании гуманизма опираться не на индивида, а на общекультурные, общечеловеческие ценности. Истинный смысл гуманизма усматривается в идее коллективизма.

Луков В. Я бы не сказал, что это лишено концептуальной стройности. Но ваша мысль о том, что исторически элитарная идея через рекрутирование масс перерождается, очень продуктивна. Гуманизм, как и другие ставшие всеобщими (в смысле выхода за обозримый круг сторонников) идеи, не просто потерял элитарность, но и оброс новыми смыслами, вступил в невероятные, казалось бы, идейные союзы. Александр Блок разглядел потерю элитарным гуманизмом присущего ему индивидуализма по мере того, как идея овладевала массами.

Гуревич П. Важная проблема — действительно! — как совместить интересы личности и массы? На уровне теоретической мысли все казалось просто. М. Горький возражал А. Блоку, особенно его тезису о том, что «цивилизовать массу и невозможно, и не нужно». «Говорить... о невозможности и ненужности цивилизации для русского народа, — это, очевидно «скифетво», и это я понимаю как уступку органической антигосударственности русской массы. И зачем Блоку «скифетво»?»

Буева Л. Проблема, затронутая Блоком, как это очевидно сегодня, не могла получить разрешения на путях просвещения массы, к чему призывал Горький. Вовлечение массы в политику обернулось разносторонней мифологизацией сознания. Попытка осчастливить массы оказалась продуктом популизма. Вовлечение масс в политику имело для гуманизма значительные последствия. Они должны быть осмыслены в полном объеме на примере дегуманизации современного мира.

Луков В. Интересно ваше, Павел Семенович, обобщение ведущих тенденций прошедшего столетия: тоталитаризм XX века явился не только помрачением духа, но и апофеозом язычества. Культ вождя. Идолопоклонничество. Толпа вручает собственные полномочия тому, единственному. Индивид больше не прислушивается к голосу совести. Не доверяет рассудку. Душит личные сомнения камнем слепой веры. В нем есть некоторое заострение образа, но оно-то и наталкивает на видение проблемы гуманизма как идеи в иных ракурсах, нежели обычно принято на нее смотреть.

Немного отвлекусь от основного русла нашего разговора и ваши оценки социально-политической доминанты XX столетия переосмыслю в, так сказать, региональном масштабе и в нынешней, начала XXI века

ситуации. Я имею в виду тенденцию, которая в нашем бурном потоке нескончаемых модернизаций вдруг оказывается в него, в этот поток, тоже вливается. И чем стремительнее поток, тем заметнее и ее проявления. Эта тенденция — архаизация общества. Только что вышла книга Чимизы Ламажаа «Архаизация общества. Тувинский феномен». Сама по национальности тувинка, Чимиза пристально вгляделась в то общество, тех людей, для которых «за Саянами» лежит другой мир: там и Москва, и Европа, и Америка. Это все «чужие» и даже «чуждые», «свой» же мир построен совсем иначе.

С этой позиции, реализуя тезаурусный подход, автор замечательно показывает, как модернизационная гонка, призванная подстегнуть экономическое развитие и пренебрегающая такими его последствиями, как смена идентичности, структурные перемены в общественном устройстве, не может не породить встречного потока — отката назад, причем не столько в предыдущую эпоху, сколько в самую что ни на есть давнюю давность, в родоплеменной строй, в глубокую архаику социальных отношений.

«Смена правящего клана произошла в 2007 году», — читаем о руководящих фигурах, недавно расставшихся с властью и недавно получивших ее, а впечатление, что все происходит где-то, по крайней мере, в Средневековье, при феодализме. Очень поучительный анализ сегодняшних процессов в одном из регионов России. Но не в региональной специфике дело: тувинский феномен просто очевиднее, чем, например, феномен московский. В концепции архаизации общества скрывается важная закономерность любых масштабных социальных перестроек, обычно по замыслу реформаторов нацеленных на благо человека, на раскрытие человеческого потенциала, на гуманистическое возрождение.

Гуревич П. Напомним: сталинские репрессии сопровождались углубленным «теоретическим» проникновением в суть гуманизма. Оказалось, что нельзя любить абстрактного человека. Нежности больше заслуживал только конкретный индивид. Те же, кого гноили в бараках, истязали в подземельях, превращали в опилки (это метафора из фильма «Покаяние»), воспринимались как нечто «абстрактное». «Абстрактный», то есть лишенный классового гнева, гуманизм отвергался. Конкретный же взгляд на человека обнаруживал в нем вражескую сущность. «Человеколюбие» оборачивалось кошмаром злодеяний. Теоретическое размежевание «абстрактного» и «конкретного» служило для кровавых расправ.

Буева Л. Но разве идея несет ответственность за то, что ее искажают? Можно ли избобличать гуманизм, если присущее ему содержание извращено, обесмыслено, превращено в свою

противоположность? Может быть, вслед за Фейербахом можно назвать это «призрачной человечностью»? Не гуманизм, а его призрак?

Луков В. В истории духовной мысли важно не только то, что ты провозглашаешь. Каковы, однако, твои цели? Осознанные или стихийные? К чему, наконец, приводят провозглашенные тобою манифесты? Нельзя, одним словом, ценить доктрину только за то, что в ней обозначается любовь к человеку. Оценивая конкретную форму гуманизма, не стоит впадать в славословие, в бездумный экстаз. Между тем в нашей стране пытаются освоить гуманистическую риторику, совершенно не обращая внимания на пути реализации социальных программ, на последствия тех или иных действий власти. На последствия ее бездействия.

Крымск лета 2012 года — болезненный пример расхождения заявленной гуманитарной цели с тем, как шло спасение людей и как сегодня решаются проблемы затопленного города. Думаю, именно в силу того, что сила стихии здесь совпала с просчетами чиновного люда, для человеколюбия места осталось мало, и власти все время старались показать, что, собственно, ничего особенного не случилось. Приехавшие со всей страны добровольцы оказались нежеланными свидетелями того, что масштабы катастрофы занижаются, многие жители Крымска были просто забыты, лишены помощи. Мой сын, один из тех добровольцев, видел все это своими глазами. В Интернете множество видеоматериалов и комментариев очень резких. Вот разговор губернатора Краснодарского края А. Ткачева с крымчанами. Ткачев: А вы что думаете, дорогие мои, если бы сегодня, даже в 22 часа, с перерывом до трех... до часу ночи, что, нужно было до каждого дойти? Это невозможно (неразборчиво). Во-вторых... секундочку... Народ: Существует система оповещения! Ткачев: Во-вторых. И вы бы, и вы бы, и вы бы что, встали и ушли бы, так сказать, из дома? Народ: Нет, мы бы тонули, так же, как тонули десять лет назад...

Буева Л. В такие моменты абстрактные слова о человеколюбии становятся не то что ненужными, а вызывают ненависть. И сарказм. И готовность людей прорываться через сладкую ложь показного гуманизма. А власть дает встречный бой. Удачно это схвачено в популярном сейчас — в свете недавних событий — определении митинга: «Митинг — это конституционное право, являющееся административным нарушением и карающееся, как уголовное преступление».

3. Чем объяснить бурный рост самых различных гуманистических движений в наши дни?

Гуревич П. В современном сознании все чаще возникает

малопривлекательный образ человека, выпавшего из лона человечества. Маячит угроза диктатуры индивида, готового отстаивать собственное своеволие в толпе, внутри человеческого скопища.

Луков В. Это опасение небеспочвенно. И переходя к вопросу о росте гуманистических движений в наши дни, мы могли бы, прежде всего, увидеть не серию идейно-политических доктрин, прикрывающих флером гуманистической риторики свои достаточно ясные и нередко меркантильные интересы. Я бы предложил обозначить наиболее дерзкое движение (в том смысле, что оно не только нечто заявляет, но и реализует в реальной жизни, хотя бы пока в зародышевом состоянии) — это трансгуманизм.

Буева Л. Но это не такие уж новые идеи, им уже, по крайней мере, полвека или больше. И они больше похожи на фантастику и не слишком научную. Мне доводилось знакомиться с некоторыми высказываниями трансгуманистов относительно будущего человека. Например, с описанным ими идеалом постчеловека: «В качестве постчеловека вы будете обладать умственными и физическими возможностями, далеко превосходящими возможности любого немодифицированного человека. Вы будете умнее, чем любой человек-гений, и будете обладать намного более совершенной памятью. Ваше тело не будет подвержено заболеваниям, и оно не будет разрушаться с возрастом, что обеспечит вам неограниченную молодость и энергию. Вы сможете получить гораздо большие способности испытывать эмоции, удовольствие и любовь или восхищаться красотой. Вам не придется испытывать усталость или скуку и раздражаться по мелочам. В итоге постлюди могут оказаться полностью искусственными созданиями (основанными на искусственном интеллекте) или результатом большого числа изменений и улучшений биологии человека или трансчеловека. Некоторые постлюди могут даже найти для себя полезным отказаться от собственного тела и жить в качестве информационных структур в гигантских сверхбыстрых компьютерных сетях. Иногда говорят, что мы, люди, не способны представить себе, что значит быть постчеловеком. Их дела и стремления могут оказаться так же недоступны нашему пониманию, как обезьяне не понять сложности человеческой жизни». Мне представляется, что это довольно наивные измышления, подобные некоторым голливудским фильмам.

Луков В. Хотелось бы, чтобы это были лишь киносценарии, но это не так. Уже в ранних трактовах трансгуманизма, а они и в самом деле из 50-летней давности, в российских же работах по трансгуманизму его предшественников видят даже в А.Н. Радищеве (трактат «О человеке, его смертности и бессмертии») и В.Ф. Одоевском (роман «4338 год»). Возникает представление, что применение достижений науки и

техники непосредственно к человеку, причем в аспекте решительного воздействия на его природные свойства и границы жизни, имеют последствия, затрагивающие общество в самых разных отношениях, включая экономику, политику, право, религию и т.д.

В работах последующих десятилетий эта линия была продолжена. Кроме того, трансгуманизм не чисто ментальное явление, это организованное движение. Крупнейшей группой российских трансгуманистов является Российское трансгуманистическое движение, оно существует в виде интернет-сообщества. На международном уровне действует, среди прочих объединений и организаций, Институт этики и новых технологий (ИЭЕТ), в 2002 году принята Трансгуманистическая декларация. Трансгуманизм, по определению его сторонников, представляет собой радикально новый подход к размышлениям о будущем, основанный на предположении, что человеческий вид не является концом нашей эволюции, но, скорее, ее началом. Я потому заговорил о трансгуманизме, что он в этой самой декларации представлен продолжением гуманизма, от которого он частично и происходит.

Вот как выглядит сравнение концепций: «Гуманисты верят: суть людей в том, что лишь отдельные личности имеют значение. Мы можем не быть идеальными, но мы можем улучшить положение вещей и содействовать рациональному мышлению, свободе, терпимости и демократии. Трансгуманисты согласны с этим, но они также придают особую важность тому, кем мы потенциально можем стать. Мы не только можем использовать разумные способы улучшения положения человека и окружающего мира; мы также можем использовать их, чтобы улучшить себя, человеческий организм».

Так неожиданно в наше время проблематика человека переворачивается с ног на голову: гуманизм, возвеличивающий человека, превращается с трансгуманизм, отрицающий человека и воспевающий славу киборгу, как более совершенному существу, новому «венцу всего живущего».

Гуревич П. Мы много толкуем сегодня о человеке. Но начинать следует, видимо, не с культа индивида, не с безоговорочного признания его самоуправства. Всякий иной подход может, как это ни парадоксально, обернуться новой деспотией. Здесь, скорее, маячит призрак неоязычества — живого воплощения тоталитарного сознания... Язычество раскрепощает волевые порывы, высвобождает жизненную энергию, демонстрирует желание подчинить себе других, устраняет моральные запреты. Но разве язычество не оценивается нами как создание человеческого стада, клана, коллектива? Внутри такой общности нет пространства для сознательных и уникальных созданий. Откуда же взяться сильной воле, индивидуальному

самочинству? Парадокс в том и состоит, что человеческие связи легко рвутся там, где есть неразличимое множество. Коллективистский инстинкт, фантом общинности без труда превращается в групповой эгоизм.

Буева Л. В толпе, в экстатическом потоке индивид утверждает свое право господствовать, выражать собственную «неординарность». Он словно вбирает в себя токи, идущие от группы, общины. Клановое сознание характеризуется особой агрессивностью. Язычество отличается от христианства тем, что оно равнодушно к вселенской сокровищнице, к опыту многих тысяч поколений. Человек человеку в нем — не брат, а враг...

Луков В. Русская религиозная философия, рассматривая человека как микрокосм, предупреждала, что отстранение его от макрокосма, от религиозной традиции возвращает людей к язычеству, к ереси гуманизма, к бескрылому позитивизму. Эти идеи особенно важны сегодня, потому что антропологический ренессанс в его обезбоженных формах легко порождает ложно ориентированную персоналистскую традицию. Я это говорю, не являясь носителем какой-либо религиозной идеи, не становясь апологетом той или иной конфессии. Это больше размышление о ценностном ограничении вседозволенности, которое может иметь и религиозную форму, пока она действует как императив для значительной части людей. И это размышление на, так сказать, верхней ступеньке бытия, ближе к земле мы можем конкретизировать и антропологический ренессанс, и ее обезбоженные формы в примерах, совсем не столь абстрактных и касающихся повседневности гражданской жизни.

Вот посмотрите на пресловутую реформу образования, на феномен ЕГЭ. Руководство государственной системы образования при прямой поддержке высших должностных лиц страны, высших органов законодательной власти протащило единый государственный экзамен в нашу жизнь при всеобщем недовольстве образовательного сообщества, педагогов, родителей, учащихся. ЕГЭ стало законом, его планируют ввести и в вуз. Что же случилось с Д.А. Медведевым, который вдруг в июле этого года (судя по сообщению «РИА Новости») изменил отношение к ЕГЭ? Оказывается, в этом году ЕГЭ сдавал его сын. Вот и разгадка того, что теперь отношение премьер-министра к ЕГЭ «стало менее однозначным». Ценные признания Дмитрия Медведева дополнены его выводом: «Когда это пропускаешь через себя, видишь все недостатки и прорехи той или иной системы». В этом незначительном событии проглядывает тенденция: власть становится принадлежностью отдельных людей, которые не считаются с обществом, с общественным мнением. В конечном счете это и есть обезбоженные формы антропологического ренессанса.

Буева Л. Одно дело — культивировать своеволие, раскрывать множество присущих людям вожделий, обнаруживать разрушительные импульсы. Другое — демонстрировать всечеловеческое в человеке, присущий ему пафос творчества, силу духа. Обращенность к нравственным заповедям позволяет видеть в человеке нечто вселенское, общечеловеческое. Ложное превозношение человека — это, на наш взгляд, ересь, несущая в себе немалый заряд пагубного, разрушительного.

Луков В. Это очень важное обобщение. Забота о человеке, стремление сделать его жизнь прекрасней все время вылезает на поверхность в формах античеловеческих и потому заранее порождает в народе неприятие, скепсис, противодействие. Вот острая тема о ювенальной юстиции (ЮЮ). Посмотрите в Интернете: активнее всего введению этого правового института противодействуют совсем молодые люди, еще недавно бывшие несовершеннолетними, т. е. теми, интересы которых и призвана защищать ЮЮ. Сообщается, что уже собрано 120 тысяч подписей против ЮЮ, они передаются в Госдуму. Акции протеста продолжаются. А ведь, казалось бы, Россия начала строить эту систему по документам, написанным на пике человеколюбия, — Европейской социальной хартии, закрепляющей ряд социальных прав человека, и Конвенции ООН о правах ребенка. Почитайте эти документы, вы в них не найдете ничего, что можно было бы назвать «путем к геноциду русского народа», как звучит в комментариях противников ЮЮ. В хартии детям посвящены два пункта. Вот они: «Дети и молодежь имеют право на специальную защиту от физических и моральных рисков, которым они подвергаются»; «Дети и молодежь имеют право на соответствующую социальную, юридическую и экономическую защиту».

Буева Л. Так почему протестующие столь непримиримы?

Луков В. Для этого есть основания. А именно — опыт ЮЮ в странах Европейского Союза. В Хартии, в Конвенции — замечательные принципы, в практике европейских стран действуют не эти общие слова, а европейские стандарты по социальной и юридической защите детей, которые и реализуются через ЮЮ. Ни в Хартии, ни в Конвенции не закреплён принцип приоритета прав ребенка над иными правами человека, а в правовой практике стран ЕС он действует. СМИ заполнены информацией о лишении родительских прав тех, кого подвели под нарушение прав ребенка. Любое наказание шалуна может быть истолковано как «физическое наказание», и правоохранительные органы тут как тут. Родители становятся заложниками дурного настроения своих детей. Разумеется, такой разворот гуманистического принципа совершенно неприемлем.

Гуревич П. Гуманизм нашего общества может начаться с

возвращения человеку того, что у него было отобрано. Право распоряжаться собой, своей жизнью, своим трудом, землей. Возрождение гуманизма — это процесс. Судьбы его — в социальной практике. Нам предстоит осваивать азы человеколюбия. Думать о людях, которые находятся за чертой бедности. Размышлять о том, почему наша страна занимает первое место по количеству аборт. Заботиться о детях, у которых нет родителей. Охранять окружающую среду. Восстановить в правах понимание живого человека, о котором мы имеем весьма отвлеченное и нередко извращенное представление.

Луков В. История, как говорил Эрик Фромм, вовсе не стремится очеловечить человека... Напротив, она нередко пытается вытравить в нем истинно человеческое, извратить его природу. Ни одно из существовавших обществ, по мысли этого американского философа, не соотносилось с истинной природой человека. В общем-то, в этом нет парадокса, конкретное общество живет высокими идеалами только в звездные часы истории, а в обычные времена оно выступает как сдерживающая рамка человеческих потенций. Здесь нет смысла искать провидения, все в мире вовсе не романтично и нередко примитивно. Но, возможно, в этом и причина стремления тех, кто осознает рутинность жизни, к возвеличению человека в его тяге к духовности, что и есть гуманистический вектор происходящего. Но есть и другие векторы, они сосуществуют в сложной и противоречивой реальности. Какой напряженностью веет от интернетных форумов по любому злободневному вопросу! Сколько оскорблений выливается на голову инициаторов любого большого дела, любого социального проекта! Митинговая демократия не позволяет иметь своего мнения и даже оттенков при общей позиции. «За такие оттенки надо ставить к стенке» — этот отзвук былых времен никуда не делся из политической жизни сегодня.

Гуревич П. Политические процессы в нашей стране развиваются предельно противоречиво. Нельзя недооценивать значения гласности, демократизации движения к цивилизованному обществу. Но мы еще не ушли от авторитарных методов, от командных замашек. Более того, в политической практике все чаще используются тоталитарные методы воздействия на людей, управления ими. Гуманизм — это возвращение человеку политической свободы, суверенности.

Буева Л. Рассуждения о гуманизме без человека весьма показательны. Французский философ Мишель Фуко в середине минувшего столетия заявил о смерти человека. Один из пороков современной философии Фуко усмотрел в том, что она навевает «антропологический сон». Он показывает, что наше восприятие мира во многом галлюцинаторное, сходное с покрывалом майи. В наше восприятие входит

только то, что мы способны воспринять. Поэтому мир, скорее, предстает как копия наших душевных состояний. Внутренний мир человека закрыт для новых впечатлений. Современная культура стремится приспособить наше сознание к тому, что по определению является лишь результатом наших согласованных реакций.

Луков В. Фуко писал о том, что приоритет сновидения является абсолютным для антропологического познания конкретного человека. Он полагал, что следует преодолеть приоритет сновидения и прорваться к изучению реального человека.

Гуревич П. Вместе с тем именно Фуко возвестил «смерть человека», как актуальную тему философской антропологии. Однако о чем идет речь? Разумеется, не о том, что человек как биологический вид выродился или близок к вырождению. Скорее, о том, что тема человека оказалась призрачной. Но все же постмодернистское видение человека не исключает сюжет и о природном устранении человека.

Буева Л. Фуко имеет в виду, что известную формулу Ф. Ницше — «таков человек» — надлежит пересмотреть. «Этот человек», описанный философской классикой, наделенный безупречным разумом, располагающий стойкой человеческой природой, действительно в наши дни «изжит». Его надлежит, как и предлагал Ф. Ницше, «преодолеть». Иначе говоря, довести авантюру человеческого существования до предела и таким образом расстаться с остовом философской антропологии — представлением о том, что человек имеет некую сущность.

Луков В. Мысль Фуко получила дальнейшую аранжировку... «Что такое быть человеком?» — задается вопросом Ж.-Л. Нанси: «Сегодня то время, когда ответ должен прозвучать так: быть человеком — это... не располагать никакой сущностью. Нет такой сущности человека, посредством которой можно было бы определить или заключить, каким образом этот «человек» должен жить, иметь свои права, свою политику, свою этику. Ибо для нас... такая сущность просто исчезла». Мы не можем сегодня сказать, что человек представляет из себя то-то и то-то, причем не только потому, что он находится в аванюре предлагаемых превращений.

Буева Л. Тема устранения человеческой сущности стала расхожей. Отечественный философ С. Смирнов пишет: «Итак, разговор о природе человека — это разговор об очередном мифе. Поиски природы и сущности человека не приводят ни к чему». Прежде всего, следует обратить внимание на то обстоятельство, что в последнем суждении «человеческая природа» и «сущность человека» трактуются как синонимы. Классическая философская антропология далеко не всегда разделяла эти понятия. Однако, на наш взгляд, есть все основания для того, чтобы раскрыть содержательный смысл возможного противопоставления названных

концептов.

Гуревич П. На протяжении многих столетий человеколюбие оценивалось как непререкаемая ценность. Гуманисты разных эпох, как правило, видели свою задачу в том, чтобы восславить человека. И от имени этой благородной цели предлагали различные социальные программы. Однако сам гуманизм был огорожен при этом неким розовым пунктиром. Он тоже звучал гордо. О гуманизме пишут охотно, страстно и полемично. Однако проблемная напряженность во многих публикациях и философских экспертизах отсутствует. Человека надо любить — кто же спорит? И все... Напомним хотя бы о том, что Николай Бердяев называл гуманизм ересью... Гуманизм выражает не только значимость человеческого рода. Суть его в формуле ценности каждой индивидуальной жизни.

Каждый человек — это зона неповторимого культурного творчества. Истинная ценность любого общественного строя измеряется тем, насколько он способствует реализации творческого потенциала личности. Наше обсуждение показало, что гуманизм, как идейное течение и как социальная практика, имеет множество противоречий. Принято считать, что гуманизм, как принцип мировосприятия и духовный строй, связан с эпохой Возрождения. Именно в эту пору, как считается, возник культ личности человека. Однако в те же десятилетия обнаружилось и скептическое отношение к потомку Адама.

Прошло всего два века, и мир чудовищного, по словам Ханса Зедльмайра, проступил в самом человеке. Родилось новое восприятие человека. Представление о высшей ценности человека ставится под радикальное сомнение. Ницше, а впоследствии и Хайдеггер, заявляют о слиянии человеческого и нечеловеческого. Они подвергают критике гуманизм, мораль и философскую антропологию. Хайдеггер пытается развить ницшеанскую идею о «слишком человеческом». Он показывает, что такие социальные феномены, как развитие науки и техники, война, не противоречат человеческой природе. Их нельзя назвать антигуманными, поскольку они порождены человеческой волей к власти.

Человеческое существование может быть связано с покорностью своей судьбе. Но похоть власти накладывает на человеческое бытие свой отпечаток. Насилие над природой приводит к насилию над человеком. Другой парадокс гуманизма связан с его многоликостью, которая разрушает представление о специфическом понимании его природы. Гуманизм давно уже не связывают с ценностью самого человека. Он стал оборотнем, который прославляет нечеловеческое, болезненное, деструктивное. Американский фантаст Роберт Шеклм иронично писал о неврозе гуманности в человеке, который великолепно приспособлен к

убийству.

Сегодня можно говорить о тотальной дегуманизации мира, о гуманистической риторике, которая реализует негодные политические цели. Восстановление истинного смысла гуманности — задача социальной гуманитарной теории.